ФИЛОЛОГИЯ

А. Е. Лукина
Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

ДИАФАЗИЧЕСКИЕ И ДИАМЕЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ PASSÉ SIMPLE И PASSÉ COMPOSÉ (на материале французских рукописей XIII–XV вв.)

Анализируются различные подходы к изучению и объяснению случаев употребления passé simple и passé composé в литературных памятниках на материале французских рукописей XIII–XV вв.

Ключевые слова: глагольные времена, passé simple, passé composé, вариативность, диафазический вид вариативности, диамезический вид вариативности, коммуникативный континуум, коммуникативное настоящее, коммуникативная дистанция.

A. Lukina

DIAPHASIC AND DIAMESIC USE OF LE PASSÉ SIMPLE AND LE PASSÉ COMPOSÉ: A RESEARCH ON FRENCH MANUSCRIPTS OF THE XIII-XV CENTURIES

The paper dwells upon different approaches to study of the use and explication of le passé simple and le passé composé in the literary texts based on manuscripts of the XIII–XV centuries.

Keywords: verbal tenses, passé simple, passé composé, variation, diaphasic variation, diamesic variation, communicative continuum, communicative immediate, communicative distance.

В истории французского языка употребление passé simple и passé composé в рамках одного литературного памятника или рукописного текста получило название «смешение» времен, т. е. недифференцированное, «плавающее» [4] употребление времен, и имело различное толкование. В. Вартбург охарактеризовал употребление времен в старофранцузском языке так: прежде всего, в старофранцузском языке поражает его чрезмерная свобода и весьма «расслабленная» форма. Отношения между значением и формой не четкие. Старофранцузский язык «смешивает» простые и сложные времена [12: с. 94].

Ряд ученых — среди них: С. Н. Голубев [2], М. К. Сабанеева [3], Ф. Брюно [4], Л. Фуле [6] — объясняют данное явление

различными стилистическими факторами, например, внутренней установкой автора, его желанием подчеркнуть то или иное действие, или разными литературными жанрами.

Так, Ф. Брюно и Ш. Брюно, раскрывая понятие времени в старофранцузском языке, замечают, что в текстах средневековья времена часто обладают экспрессивным, описательным значением: они служат скорее для того, чтобы показать, например, степень завершенности действия в данный момент, чем для того, чтобы последовательно расположить одни действия по отношению к другим в плане прошлого и будущего [5, с. 374]. Ученые останавливаются, в основном, на рассмотрении различных стилистических употреблений глагольных времен индикатива. Вводя термин «смешение» времен в старофранцузском языке, Ф. Брюно и Ш. Брюно имеют в виду употребление в одной и той же фразе настоящего времени (présent) индикатива и имперфекта (imparfait), или перфекта (passé simple). Подобное использование времен плана настоящего / прошедшего в рамках одного предложения, по их мнению, встречается в литературных произведениях вплоть до XVII века. Основное внимание исследователи уделяют изучению прошедших времен индикатива, простых и сложных: имперфекта, перфекта, сложного прошедшего, плюсквамперфекта и конъюнктива: имперфекта, плюсквамперфекта.

Немало лингвистов обратило внимание на связь особенностей функционирования временных форм индикатива плана настоящего и прошлого, поддающихся чередованию в старофранцузских текстах в большей мере, чем остальные времена индикатива, со спецификой жанра и обусловленного жанром стиля памятников. Они считают, что так называемая «хаотичность» (М. К. Сабанеева) [3] употребления временных форм плана прошлого присуща лишь эпическому жанру. М. К. Сабанеева, называя употребление временных глагольных форм в старофранцузском языке «пестрым» и «сложным» [3], связывает полифункциональность презенса (présent), простого перфекта (passé simple), имперфекта (imparfait) и сложного перфекта (passé composé) с их полисемией, обусловливающей их частичную синонимию, а также с позицией автора-рассказчика, канонизированным характером того или иного жанрового мотива, факторами ритма, ассонанса, организацией лессы, т. е. с разнообразными жанрово-стилистическими особенностями литературных произведений. Здесь следует упомянуть и работы Л. Фуле [6] и Л. Шослер [10], в которых исследователи приписывали недифференцированное употребление времен лишь языку поэтических текстов, объясняя это стихотворным размером произведения.

Таким образом, в работах по истории французского языка, посвященных данному вопросу, мы обнаруживаем, что многие исследователи видят в использовании времен настоящего и прошедшего планов индикатива в одном предложении или в контексте случай «смешения» времен и обусловливают это либо стилистическими установками автора, либо жанровыми особенностями произведения, либо стихотворным размером, либо вообще беспорядком, царившим в глагольной системе старофранцузского языка.

В свою очередь, мы считаем, что термин «смешение» времен должен вызывать еще больше вопросов, поскольку как можно назвать «смешением» употребление настоящего времени вместо прошедшего или изъявительного наклонения вместо сослагательного. Все глагольные времена и наклонения, безусловно, имеют свое категориальное значение, которое не только обусловливает их употребление в речи, но и обеспечивает их существование в языке. В связи с этим мы предлагаем термин «варьирование», под которым понимаем употребление разных языковых единиц как в одном предложении или в рамках одного контекста, так и внутри од-

ного литературного памятника или сравниваемых контекстов разных вариантов одного рукописного текста.

При этом толкование варьирования в употреблении временных форм глагола в рукописных литературных памятниках, на наш взгляд, должно происходить с различных позиций: 1) позиции глагольных форм времени и наклонения в системе старо- и среднефранцузского языка; 2) роли субъекта (скриба / автора), избирающего ту или иную глагольную форму при конструировании контекста — его внутренние языковые и стилистические установки; 3) стилистических и жанровых особенностей произведения.

Реализация данного подхода возможна в рамках диасистемного подхода, который в последние десятилетия весьма широко используется при изучении текстов в истории французского языка. Понятие «диасистемы», впервые использованное У. Вайнрайхом [1], представляет комплекс сосуществующих систем, например, диалектных, социальных, стилистических и др. Данные системы, в свою очередь, включают соответствующие виды вариативности: диатопический вид — соотношение литературного (стандартного) языка; диастратический вид — соотношение стандартного языка и социолектов; диахронический вид — соотношение разных форм одной языковой единицы в процессе эволюции языка; диафазический вид — соотношения разных литературных жанров, стилей, видов повествования; диамезический вид — соотношение в употреблении форм в устной и письменной речи.

По мнению Я. Линдшоу [8], изучение жанровых особенностей произведений (диафазический вид вариативности) должно происходить не с позиций общепринятой классификации литературных жанров, а на основе теории, разработанной немецкими лингвистами П. Кохом и В. Остерейхером, которая представляет собой выделение двух коммуникативных континуумов: полюс «коммуникативное немедленное (настоящее)» (l'immédiat communicatif) — коммуникативный контекст, который запускает механизм действия устной формы речи, «коммуникативная дистанция» (la distance communicative) — это коммуникативный контекст, который запускает письменную форму речи [9]. П. Кох и В. Остерейхер выделяют экстралингвистические критерии, которые необходимы для того, чтобы отнести текст или контекст к тому или иному полюсу коммуникативного континуума (см. табл.) [9, с. 586].

Таким образом, все тексты представляется возможным разделить:

1) на тексты, которые отражают «воспроизведенную устную речь (l'oral représenté) — термин К. Маркелло-Низья [11], относящиеся к полюсу коммуникативного настоящего;

2) на тексты, представляющие другие виды повествования — прозаические тексты.

Так, например, к первому типу следует отнести театральные пьесы и диалоги в повествовательных литературных текстах. К. Маркелло-Низья предлагает рассматривать «воспроизведенную устную речь» (l'oral représenté) как один из параметров вариативности в письменной речи. В свою очередь, Я. Линдшоу отмечает, что прямая речь и реплики персонажей в письменных литературных текстах создавались с четким намерением сформировать у читателя впечатление о спонтанности этой речи, об отсутствии в ней условностей, что позволяет причислить этот тип текстов к полюсу немедленного (настоящего) (pôle de l'immédiat).

Тексты второго типа по совокупности критериев следует рассматривать в рамках полюса дистанции. Однако стиль некоторых авторов настолько личен и эмоционален, что позволяет изучать данные тексты, причисляя их к полюсу немедленного (настоящего) [8, с. 98].

Критерии полюсов коммуникативного настоящего и коммуникативной дистанции

Немедленное (immédiat)	Дистанция (distance)
Личная коммуникация (communication privée)	Публичная коммуникация (communication publique)
Близкий собеседник (interlocuteur intime)	Неизвестный собеседник (interlocuteur inconnu)
Сильная эмоциональность (émotionnalité forte)	Слабая эмоциональность (émotionnalité faible)
Внедрение в действие и ситуацию (ancrage actionnel et situationnel)	Отрыв от действия и ситуации (détachement actionnel et situationnel)
Внедрение референта в ситуацию (ancrage référentiel dans la situation)	Отрыв референта от ситуации (détachement référentiel de la situation
Пространственно-временное соприсутствие (coprésence spatio-temporelle)	Пространственно-временное разделение (séparation spatio-temporelle)
Интенсивное коммуникативное сотрудничество (coopération communicative intense)	Минимальное коммуникативное сотрудничество (coopération communicative minime)
Диалог (dialogue)	Монолог (monologue)
Спонтанная коммуникация (communication spontanée)	Подготовленная коммуникация (communication préparée)
Свобода в отношении тем (liberté thematique)	Установленные темы (fixation thematique)

Таким образом, данный подход позволяет изучать сразу два вида вариативности (диафазический и диамезический): анализировать употребления вариативности языковых форм в рамках различных коммуникативных жанров, а также рассматривать особенности устной и письменной форм речи.

В своем исследовании, посвященном изучению функционирования passé simple и passé composé в истории французского языка, Я. Линдшоу [8] приходит к выводу о том, что passé composé расширяет сферу своего употребления в ходе эволюции французского языка. Появляясь сначала в текстах, относящихся к полюсу коммуникативного настоящего, в силу своей семантики (связи с временным планом настоящего, заложенной в самой структуре формы, т. е. вспомогательном глаголе), passé composé позднее в текстах уже XV и XVI вв. широко используется в текстах, которые следует отнести к полюсу коммуникативной дистанции.

В ходе анализа нашего материала мы выявили, что passé composé наряду с passé simple широко используется в текстах уже XIII–XV вв., относящихся к коммуникативному полюсу дистанции. Так, в списках фаблио «Дурной Стыд» (La Male Honte), которое зафиксировано в четырех рукописях P., B. N., f. fr. № 837 (Version de Huon) (A), P., B. N., f. fr. № 12603 (Version de Huon) (F), Berne, Bibl.de la bourgeoisie, № 354 (Version de Huon) (B), Version de Guillaume (f. fr. № 2173, f. fr. № 19152) (Guillaume), мы встретили следующие употребления глагола dire в passé composé и passé simple:

Le roi et ses barons salue:
«Sire, dist il, oiez mon conte:
Je vous aport la male Honte.
(A, 30–32)
Lou roi et les barons salue:
«Rois, fet il, enten a mon conte:
Ici t'aport la male Honte.
(B, 34–36)
Le roi et ses barons salue,
Puis si a dit: «Oiés men conte:
Rois, je t'aport la male Honte.
(F, 28–30)
«Sire, fait-il en son language,
La male Honte vos aport.
(Guillaume, 34–35)

Таким образом, распространение употребления passé composé не только в прямой речи (l'oral représenté), что обусловлено собственно семантикой данного глагольного времени (связью с планом настоящего), но и в непрямой речи, в описании, в изложении происходящих событий (повествовании), указывает на изменения, касающиеся собственно стилистического использования данных времен (диафизический вид вариативности): passé composé преимущественно встречается в разговорной речи, passé simple — в литературных, письменных текстах; а также различий в употреблении глагольных форм в устной и письменной речи и в проникновении особенностей функционирования языковых единиц из устной речи в письменную (диамезический вид вариативности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
2. *Голубев С. Н.* О соотношении повествовательных времен в старофранцузском языке // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. А. Сеина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 10–19.
3. *Сабанеева М. К.* Художественный язык французского эпоса. Опыт филологического синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 296 с.
4. *Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. 13 vol. T. I. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: Librairie Colin, 1966. 597 p.
5. *Brunot F., Bruneau Ch.* Précis de grammaire historique de la langue française. Paris: Masson, 1949. XXXVIII. 642 p.
6. *Foulet L.* Petite syntaxe de l'ancien français. P.: Champion, 1982. 393 p.
7. *Koch P., Oesterreicher W.* Langage parlé et langage écrit // Lexikon der romanistischen Linguistik, tome 1. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2001. P. 584–627.
8. *Lindcshow J.* Passé simple et passé composé dans l'histoire du français // Revue de linguistique romane publiée par la société de linguistique romane. Tome 77. Strasbourg, 2013. P. 87–119.
9. *Marchello-Nizia Ch.* L'oral représenté en français médiéval, un accès construit à une face cachée des langues mortes // Le changement en français. Etudes de linguistique diachronique von Céline Guillot, Evelyne Oppermann-Marsaux, Alexei Lavrentiev, Bernard Combettes. Bern: Peter Lang, 2012. P. 247–265.
10. *Schøsler L.* Les du passé dans «Aucassin et Nicolette» // Études romanes de l'Université d'Odense. 1973. Vol. 5. P. 45–67.
11. *Wartburg W. von.* Évolution et structure de la langue française. Berne: A. Francke S. A., 1946. 321 p.

REFERENCES

1. *Vajnrajh U.* Odnojazychie i mnogojazychie // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Jazykovye kontakty. M., 1972. S. 25–60.
2. *Golubev S. N.* O sootnoshenii povestvovatel'nyh vremen v starofrantsuzskom jazyke // Funktsionirovanie jazykovyh edinits v sinhronii i diahronii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Otv. red. I. A. Seina. L.: Izd vo Leningr. un-ta, 1987. S. 10–19.
3. *Sabaneeva M. K.* Hudozhestvennyj jazyk frantsuzskogo eposa. Opyt filologicheskogo sinteza. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. 296 s.
4. *Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à 1900. 13 vol. T. I. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: Librairie Colin, 1966. 597 p.
5. *Brunot F., Bruneau Ch.* Précis de grammaire historique de la langue française. Paris: Masson, 1949. XXXVIII. 642 p.
6. *Foulet L.* Petite syntaxe de l'ancien français. P.: Champion, 1982. 393 p.
7. *Koch P., Oesterreicher W.* Langage parlé et langage écrit // Lexikon der romanistischen Linguistik, tome 1. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2001. P. 584–627.

8. *Lindcshow J.* Passé simple et passé composé dans l'histoire du français // Revue de linguistique romane publiée par la société de linguistique romane. Tome 77. Strasbourg, 2013. P. 87–119.
9. *Marchello-Nizia Ch.* L'oral représenté en français médiéval, un accès construit à une face cachée des langues mortes // Le changement en français. Etudes de linguistique diachronique von Céline Guillot, Evelyne Oppermann-Marsaux, Alexei Lavrentiev, Bernard Combettes. Bern: Peter Lang, 2012. P. 247–265.
10. *Schøsler L.* Les du passé dans «Aucassin et Nicolette» // Études romanes de l'Université d'Odense. 1973. Vol. 5. P. 45–67.
11. *Wartburg W. von.* Évolution et structure de la langue française. Berne: A. Francke S. A., 1946. 321 p.

Л. Н. Беляева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: СОСТАВ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Автор рассматривает особенности современных лингвистических ресурсов современной прикладной лингвистики, а также проблемы корреляции структур и ресурсов в современной образовательной среде, необходимых и разрабатываемых прикладными исследованиями в области гуманитарных наук

Ключевые слова: прикладная лингвистика, образовательная среда, лингвистические технологии, лингвистические ресурсы.

L. Beliaeva

LINGUISTIC RESOURCES OF INFORMATIONAL EDUCATIONAL SPACE: COMPOSITION, STRUCTURE AND FUNCTIONS

The paper considers both the characteristics of the studies in the modern domain of applied linguistics, and the problems of correlation between structures and resources in the modern educational space, the resources to be developed in the framework of the humanitarian sciences.

Keywords: applied linguistics, educational space, linguistic technologies, linguistic resources.

Анализ ситуации, сложившейся в структуре вузовского образования, требует определить позицию прикладной лингвистики как особого направления. Разделение лингвистики на теоретическую и прикладную или, точнее, на общую и прикладную связано с разделением знаний на декларативные и процедурные. При этом общая лингвистика оперирует знаниями декларативными, а прикладная — процедурными знаниями, позволяющими извлекать необходимую информацию и формировать новые декларативные знания [ср.: 7, с. 117].

В российской лингвистике традиционно к прикладной лингвистике относят применение математических и компьютерных методов для решения различных задач, в основном связанных с проблемами обработки текста в различных автоматизированных системах или, вообще, к приложению лингвистических знаний в других сферах деятельности.

Сегодня можно констатировать, что само использование методов математической статистики или применения компьютера для отбора, анализа и даже переработки информации не является критерием отне-